

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ КАК ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ

Уголовно-процессуальное доказывание обычно определяют как разновидность процесса познания, который подчиняется общим гносеологическим закономерностям, опирающимся на тезис о принципиальной познаваемости мира, с соблюдением логических правил и способов получения верного представления об имевшем место событии прошлого.

Каково соотношение познания и доказывания в уголовном процессе? Нередко в юридической литературе познание и доказывание характеризуются как взаимозаменяющие понятия и употребляются в качестве синонимов¹. Однако хотя деятельность субъектов доказывания носит познавательный характер, рассматривать понятия доказывания и познания как тождественные нельзя, поскольку их совпадение не полное. Если познание представляет собой получение знаний о тех или иных предметах и явлениях действительности, то доказывание заключается в обосновании полученного знания соответствующими средствами для предоставления возможности познания тех же обстоятельств другими лицами и проверки полученного знания на достоверность. Познание выступает гносеологической основой доказывания, так как доказывается, обосновывается всегда познанное.

Содержание предметов познания и доказывания в судопроизводстве различно. Предметом познания в уголовном процессе выступают конкретные факты прошлого и настоящего, но лишь имеющие правовое значение факты становятся предметом доказывания. Поэтому можно не согласиться с Ф.Н. Фаткуллиным, считавшим, что «лишено всякого основания утверждение, будто надо различать предмет познания и предмет доказывания по делу, якобы первое из этих понятий шире второго»². Представляется, что критикуемое автором утверждение является верным, поскольку в процессе познания обстоятельств совершенного преступления далеко не все, познанное лицом, производящим расследование, становится предметом доказывания. Первоначаль-

ные данные обнаруживаются в процессе производства осмотров, обысков, при допросах свидетелей, подозреваемых и т.д., и часто неизвестно, какие из них и в какой связи с устанавливаемым событием будут находиться. Лишь при последующем анализе этих данных лицо, ведущее производство по делу, выявляет наличие общего — их связи с преступлением. Те данные, связь с расследуемым событием которых не установлена, будучи познанными и оставаясь в материалах дела, не будут являться предметом доказывания. «Всякое обстоятельство (факт), относящееся к предмету процессуального доказывания, должно быть познано и удостоверено органами следствия и суда в предусмотренном законом порядке»³, но сначала это обстоятельство познается, а затем решается вопрос о его относимости к предмету доказывания. Предмет познания и предмет доказывания по делу находятся в отношении субординации, и объем первого понятия включает в себя объем второго. Такому выводу не противоречит и то, что «с гносеологической точки зрения доказывание есть разновидность опосредованного познания и не может иметь предмет, отличный от предмета познания»⁴, поскольку по правилам формальной логики признаки, присущие роду, с необходимостью принадлежат и виду, познание возможно без доказывания, но не наоборот.

В каких формах происходят познание и доказывание в уголовном процессе? Источников человеческого познания только два — опыт и разум, иными словами, прямое наблюдение познаваемого и умозаключение⁵. Поэтому всякое познание происходит в единстве непосредственного (эмпирического) и опосредованного (логического). Соответственно этим двум формам познания известно непосредственное и логическое доказывание⁶. Первое имеет место в том случае, когда для удостоверения отдельного положения достаточно непосредственно воспринять тот или иной предмет и предъявить его другим лицам, тем самым подтвердив справедливость

доказываемой мысли. Так можно, например, доказывать наличие или отсутствие дефектов в одежде, осмотрев и предъявив эту одежду. Логическое доказывание имеет место, когда объект мысли недоступен восприятию, а получение знаний и их удостоверение происходят при посредстве других предметов и сведений о них. Тот же факт (наличие дефектов в одежде) может быть установлен и удостоверен документом мастерской о приеме одежды в ремонт, показаниями мастера и т.п.⁷

Поскольку между моментом расследования и судебным разбирательством уголовного дела и событием преступления существует разрыв во времени, область применения эмпирического доказывания значительно меньше области применения логического. Познание обстоятельств преступного события происходит преимущественно опосредованно, но путь непосредственного наблюдения в доказывании не исключен в отношении отдельных фрагментов преступления, которые сохранились к моменту расследования и могут быть доступны для восприятия, например последствия совершенного преступления (обгоревший дом, сломанная машина, обезображенное лицо потерпевшего и т.п.)⁸.

В этой связи вызывает возражение мнение некоторых ученых, утверждавших, что доказывание есть полностью опосредованный путь познания и вне предусмотренных законом средств нет процессуального доказывания⁹. Хотя собирание фактических данных об обстоятельствах, имеющих значение для дела, и является обязательным элементом доказывания, некоторые обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, могут быть выявлены минуя путь доказывания в процессуальном смысле. Речь идет об обстоятельствах, форма выявления которых может быть связана с констатацией их общеизвестности или очевидности (например, способность взрослого человека отдавать отчет в своих действиях; различать цвет сигнала, показания прибора; наличие кого-либо на линии движения транспортного средства или линии прицеливания и т.п.). В таких случаях выявление некоторых обстоятельств возможно не через собирание органом расследования фактических сведений, на основе которых затем делаются ретроспективные выводы, а путем получения этих выводов в «готовом виде». Следует отметить, что речь идет, во-первых, лишь о некоторых обстоятельствах, а

не о системе в целом (виновность лица, в частности, должна быть доказана); во-вторых, в каждом конкретном случае общеизвестность наличия признака, свойства, присущего классу объектов в целом, может быть оспорена (например, может иметь место расстройство психики, нарушение органов зрения и т.п.). В этом случае «готовый» вывод обязательно проверяется путем доказывания в процессуальном смысле. Не подлежат доказыванию также обстоятельства, установленные ранее вступившим в законную силу приговором (ст. 90 УПК РФ), т.е. преюдициальные. В таких случаях речь идет о недопустимости повторного установления фактов, уже доказанных компетентными органами.

Некоторые авторы определяли доказывание как «выяснение связей между данным явлением, фактом и обосновывающими его другими фактами, явлениями»¹⁰. Данное определение вызвало дискуссию. Так, Ф.Н. Фаткуллин, считая это мнение односторонним, утверждал, что в уголовном процессе не может быть ни априори данных фактов, ни заранее известных явлений, обосновывающих эти факты¹¹. Данное утверждение вряд ли можно считать состоятельным, поскольку, во-первых, наличие хотя бы минимального запаса знаний о предмете является необходимой предпосылкой успешных действий с ним. Во-вторых, часть знаний приобретает человек не непосредственно из практики, опыта (апостериорно — «после опыта»), а априорно («до опыта»). Большая часть информации приобретает, конечно, непосредственно из внешнего мира. Личностная практика создает базу для наращивания информации, для ее оценки и переработки, но большинство обобщений, имеющих у индивидов, приобретает опосредованно. Истинность законов, аксиом подтверждается практикой человечества и не нуждается поэтому в новом подтверждении, например несопадение папиллярных узоров у разных людей не доказывается всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Это было известно и до нас (до нашего личного опыта — априори), мы используем данное «готовое» знание в своих целях. По большей части «обосновывающие другие факты, явления» — это и есть общественно полезный результат человеческой практики, который используется при доказывании. В уголовном процессе не может быть априори данных фактов, все факты по каждому конкретному делу должны выяв-

ляться в полном объеме, но для обоснования выводов неизбежно используются знания, полученные «в готовом виде» из обобщенной практики предшествующих поколений. В этом и проявляется преемственность знания.

В судебном доказывании органически сочетаются две равноценные стороны — мыслительная и практическая. Мыслительная (логическая) сторона доказывания подчинена законам логического мышления, практическая (процессуальная) деятельность, т.е. процессуальные действия по доказыванию, подчинены предписаниям правовых норм и основаны на них. Доказывание всегда осуществляется в строгих рамках процессуальной формы, чего нельзя сказать о познании. Процесс познания может быть основан на любых данных, доказывание же — только на данных, полученных из процессуальных источников. Процессуальное доказывание, как любой процесс познания, подчиняется законам мышления, и если эти законы заранее не ставят никаких пределов в использовании доказательств в процессе познания явлений действительности, то выводы по уголовному делу должны быть обоснованы только допустимыми доказательствами.

Таким образом, уголовно-процессуальное доказывание наряду с общими для всякого познания чертами обладает своими особенностями, отличающими его от познания в других областях практической деятельности людей. Процессуальное доказывание можно

определить как логико-практическую деятельность субъектов доказывания, порядок, формы и сроки которой строго регламентированы уголовно-процессуальным законом и которая заключается в обосновании собранными, проверенными и оцененными доказательствами выводов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Примечания

¹ Уголовный процесс: учеб. / под ред. К.Ф. Гуценко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 129–130; Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев, 1984. С. 8.

² Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 48.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 48–49.

⁵ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М., 2001. С. 6.

⁶ Асмус В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954. С. 13.

⁷ Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 109.

⁸ Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 54.

⁹ Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 16; Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.; Л., 1947. С. 230–236.

¹⁰ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 6–7; Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М., 1999. С. 9.

¹¹ Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 16.

Х.А. АСАТЯН
аспирант

ОСНОВНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВЕ

В ходе решения вопроса о возбуждении уголовных дел при выявлении преступной деятельности фальшивомонетчиков с начала расследования и в процессе следствия возникают разнообразные и весьма специфические криминалистические ситуации. Умелая оценка этих ситуаций имеет важное значение для ориентации следствия на определенном этапе расследования на принятие оптимальных процессуальных и криминалистических решений и выбор путей и средств дальнейшего расследования.

Следственная практика показывает, что огромное количество дел, возбужденных

по факту фальшивомонетничества, остается нераскрытым. В связи с этим очень важно именно на первоначальном этапе расследования спланировать и в дальнейшем реализовать круг следственных мероприятий, способствующих быстрому, эффективному расследованию и раскрытию преступления.

При расследовании дел о фальшивомонетничестве возникают различные следственные ситуации, применительно к которым членами следственно-оперативной группы производится ряд первоначальных следственных мероприятий. Рассмотрим эти ситуации: